Андрей РАСТОРГУЕВ

ПРАВИЛО ПЕРЕВОДА

Когда от межнациональных переправ отказывается государство, поэты начинают строить их сами

Гёрархылы А. Песня эмигранта. Стихи на азербайджанском и русском языках. Перевод Н.А. Ягодинцевой. – Челябинск: Издательство Татьяны Лурье, 2007.

Советская школа художественного перевода оставила нам не только множество великолепных его образцов, но и изрядное количество анекдотов о том, как столичные подёнщики на спор, лёжа где-нибудь на пляжном песочке, делали из никому не известного национального, а то и просто племенного стихотворца звезду общесоюзной величины. Или нанимали за крохи от собственного гонорара «негров» из числа студентов Литинститута. Или сами творили халтуру, которую автор оригинала вынужден был с благодарностью принимать, ибо уже сам факт выхода книги в Москве действительно вводил его в большую литературу.

Впрочем, это уже относилось, скорее, к государственной издательской индустрии перевода. И её не столь уж давняя в историческом масштабе кончина вовсе не означает гибели той самой школы. Более того: похоже, она способствовала развитию переводческой деятельности в регионах нашего всё ещё немалого по размерам и по-прежнему многонационального Отечества. Пример тому – вышедшая в Челябинске книга азербайджанского поэта Аслана Гёрархылы **«Песня эмигранта»** (2007), в которую вошли стихи, переведённые Ниной Ягодинцевой.

Вообще-то к азербайджанцам, с которыми большинство из нас нынче встречается чаще всего на рынке, как и к посланцам других союзных республик, теперь бывших, у нас нынче пристало более короткое слово – мигрант. А с буквой «э» – это чаще всего человек, из России выехавший. В обратную же сторону они в массе своей перевелись году в 1937-м – после войны в Испании.

С той поры, впрочем, и само советское время кончилось – в отличие от войн и межнациональных конфликтов. Так что родившийся в том районе Грузии, где сотни лет компактно жила община азербайджанцев, и после распада СССР попытавшийся уехать с семьей в Казахстан, но прижившийся в итоге лишь на российском Южном Урале Аслан Гёрархылы вместе с такими же кочевниками поневоле вполне может именовать себя эмигрантом. А его «Железную колыбельную» вполне могли бы петь и эвакуированные в 1941-м году:

Зима глядит на нас холодными бельмами.
Дорогу метёт, пути расчищая бедам.
Вагоны поют железную колыбельную…
Куда мы едем, Боже, куда мы едем?..

Родные горы, склоняясь головами белыми,
Ветра и птиц посылают за нами следом.
Вагоны поют железную колыбельную…
Куда мы едем, Боже, куда мы едем?..

Ощущение неуверенности, временности своего пребывания вдали от родины пронзительно передает и стихотворение «Клочок родной земли» – даже, скорее, «Горсть…», так точнее: «Аллах, что они насыплют на мои глаза, если я умру?..». Взял эту фразу из подстрочника, поскольку в переводе точного по обдирающей душу буквальности эквивалента нет. Зато есть не менее сильная, но в согласии с русской поэтической традицией или просто по-женски смягчённая: «…позволь мне стать тобою, моя земля!».

Впрочем, в другом стихотворении – «Родная земля» – есть и это:

…Забыть нельзя и вернуть нельзя,
Ты рядом – и ты вдали…
Осмелюсь ли я засыпать глаза
Горстью родной земли?

Передано в ещё одном стихотворении и столь же пронзительное описание бабушкиного взгляда, десятилетиями обращённого на дорогу, по которой ушел её сын:

…Я рос на него похожим – а, может быть, ей казалось,
Искало опору сердце в безмерной своей тревоге.
Песком рассыпались камни – её не брала усталость:
Ведь сын ещё не вернулся, и взгляд её – на дороге…

Когда прилетают птицы и вёсны кипят цветами –
В душе у неё бураны, зима у её порога.
В немыслимом поединке не дрогнули, не устали
Ни бабушкин взгляд протяжный, ни пустая дорога.

А вот – ощущение раннего взросления, знакомое отнюдь не только послевоенному поколению:

…Раньше была война, а теперь мы сами
Для матерей защита: смотри, не рань же
Памяти их! Мы рано стали отцами,
Ибо своих отцов потеряли раньше…

Однако восточные переводы, от которых, помнится, болела голова ещё у Арсения Тарковского, приучили нас искать в них не только созвучные чувства, но и по-восточному же своеобразную, притчевую мудрость. Есть она и у Гёрархылы в переводах Ягодинцевой:

Гуляка, игрок, чужого достатка мот,
В зеркало посмотри на себя внимательно:
Как можешь ты пировать всю жизнь напролёт,
Сын, потерявший могилу матери?..

…Сто тысяч путей, испытаний, преград
Судьба приготовила нам не напрасно.
Для этого мира ещё мы не масло,
Но хочется верить – уже не обрат…

Тщательно, несмотря на отказ от некоторых конкретных деталей, передан в одном из стихотворений двойной смысл запаха кинзы. Гостеприимен пахнущий ею дом, но если чувствуешь этот запах на улице – быть градобою:

…Так в душе моей копится буря –
И ворочает глыбами гром,
Туча с тучей сшибаются хмуро
И стреляют холодным огнём!

Но, прошу вас, бояться не надо
Этой гулкой сердечной грозы:
Нет на сердце смертельного града,
Нет тревожного духа кинзы!..

Собственно, на философию настраивает уже само имя автора. Гёрархылы – значит, из Гёрархы, как по-азербайджански зовётся родное село поэта. Именно так – по месту рождения или творчества – называли философов, к примеру, в древней Греции. Да и не только их: имя Фалеса Милетского помнится многим из нас со средней школы куда лучше, чем суть его теоремы о параллельных прямых. Впрочем, учёные тогда вообще были, что называется, многостаночниками, по отраслям знаний не расходились.

Воспоминание про древность уместно и потому, что занятия поэтическими переводами Нина Ягодинцева ещё в бытность студенткой Литинститута начала с Корана. Отсюда, видимо, и подкрепляемая географией и перипетиями эпохи склонность к Востоку – или, во всяком случае, некоторое знакомство с его духом, и всегдашнее стремление работать по высшей планке, подтверждаемое собственной поэзией.

Вместе с несомненным литературным мастерством всё это не могло не обеспечить успеха, когда русский читатель воспринимает перевод как факт собственной литературы и в то же время ощущает некую ино-странность, ино-сказанность, тот самый колорит, который иным взглядом и выражением освежает чувства, испытываемые любым земным человеком. И знакомство с подстрочником – увы, несовершенным, но оттого свидетельствующим сложность стоявшей перед Ягодинцевой задачи – не разрушает этого восприятия, а лишь вызывает желание посоперничать, попытаться решить эту задачу ещё лучше. Что в принципе подтверждает выводы той же отечественной школы перевода: единых правил и рецептов на все случаи жизни нет, с одной и той же степенью точности передать одновременно и содержание, и форму оригинала невозможно. И право на оптимальный выбор всегда остается за переводчиком.

2008 г.